
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10116

УДК 008:001.8

Л. А. Закс

<https://orcid.org/0000-0003-1219-3404>

Горький: художественное сознание на перекрестке многих социокультурных «между»

Творчество великих мастеров искусства – вечная тема и во многом до сих пор загадка. Связанные со своим временем, его обществом и культурой, они никогда полностью не совпадают с последними, никогда не укладываются в типологические рамки социального и художественного сознания конкретных групп социума, художественных направлений и течений. Тем и двигают вперед культуру человечества. Одним из таких «выпадающих» из известных социокультурных матриц субъектов искусства был классик русской литературы А. М. Горький. В статье выдвинута гипотеза, призванная объяснить феномен его творчества как адекватного выражения социокультурной реальности первой половины XX в. Суть гипотезы: Горький сумел в полипротиворечивом мире своей эпохи занять позицию «междунаходимости» по отношению к полюсам ведущих противоречий и к самим этим противоречиям. При этом он не отождествлял себя ни с одним из полюсов-противоположностей, что позволило ему понять сами полюса и их отношения, воссоздать сложность реальности, ее логику, социокультурную типологию, «социологию», «антропологию», культурную психологию и противоречивую ценностно-мировоззренческую содержательность жизни. Статья показывает вне- и междунаходимость художественного сознания Горького по отношению ко всем социальным группам и их отношениям в тогдашней России, что позволило ему реализовать новый тип социальности литературы, создать своего рода художественно-социологическую «энциклопедию русской жизни» начала XX в. Но для Горького как писателя еще большее значение имела задача постижения сложности человеческой природы, существования и сущности человека, его времени и человека вообще. В статье очерчены основные предметно-ценностные пункты горьковской «антропологии», воссоздающей напряженную мировоззренческую дискуссию о человеке в России и дающей объемный многомерный образ человека, до сих пор сохраняющий свою идейно-смысловую актуальность и силу художественного воздействия.

Ключевые слова: Горький, художественное сознание, художественное мироотношение, междунаходимость, вненаходимость, социально-групповая междунаходимость, социальность творчества, антропологическая проблематика творчества.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

L. A. Zaks

Gorky: Artistic Consciousness at the Intersection of Multiple Socio-Cultural «Between»

The creation of great art masters has always been the eternal subject and still remains the mystery in many respects. Bound to their times, its society and culture they never «fit» the latter, never put themselves naturally to typological frames of social and artistic consciousness of certain groups of socium, artistic movements and tendencies. That is the way they advance the culture of mankind. One of such «falling out» of the renowned socio-cultural matrices of the art subjects was canonical Russian writer A. M. Gorky. The article forwards a hypothesis which aim is to explain the phenomenon of A. M. Gorky' creative activity as an adequate expression of the socio-cultural reality of the early 1900s. The essence of the hypothesis is as follows: in the conflicting world of his epoch Gorky managed to occupy the position of «inter-sidedness» with regard to the poles of leading controversies and the controversies themselves. And he did not identify himself with any of the poles-opposites, which allowed him to conceive the very poles and their relationships, to conjure up the complexity of the reality, its logic, socio-cultural typology, «sociology», «anthropology», cultural psychology and contradicting value-and-worldview-driven depth of life. The article shows «being outside» and «being in between» of Gorky artistic consciousness with respect to all social groups and their relationships in Russia of that time, which enabled him to realize a new type of literature sociality, to create a sort of artistically sociological «encyclopedia of the Russian life» in the beginning of the XX century. But for Gorky as a writer the challenge of conceiving the complicity of human nature, the existence and the grain of Man of his time and human being on the whole, had a far greater importance. The article outlines key subject-and-value-based items of Gorky's «anthropology» re-establishing arduous worldview-centered discussion about

the human being in Russia and providing a multidimensional image of the human person that still preserves its idea-and-meaning-charged topicality and the power of artistic impression.

Keywords: Gorky, artistic consciousness, artistic attitude to the world, «being in between», «being outside», socio-group being in between, sociality of creativity, anthropological issues of creative activity.

Давно известный парадокс бытия искусства в истории: чем труднее, противоречивее, трагичнее для людей историческая эпоха, тем она интереснее и плодотворнее для художественного сознания, тем большие открытия ему сулит. И начинаются эти открытия-новообразования в социокультуре (термин-существительное, производный от прилагательного «социокультурный», фиксирующего фундаментальное онтологическое единство «социального» и «культурного»; введен И. П. Смирновым и репрезентирует общество как социокультурную систему [6]), в художественной культуре в частности, с появления нового типа творческого сознания. Одна из таких исторически трудных эпох (если в истории бывали «легкие»), эпох глубокого и универсального кризиса социокультуры, обострения и умножения всех ее противоречий, как во всем мире, так и, особенно, в России, – рубеж XIX–XX вв. А одно из незаурядных ее порождений – личность и творчество А. М. Горького. Псевдоним этот, избранный А. М. как автономный знак его собственной биографии, фактически можно рассматривать и как символ (то есть предельное ценностное обобщение) его эпохи («времени Горького»). К тому же эмоционально-семантически усиленный первой частью псевдонима: именем *Максим*, ставшим знаком предельного (максимального) человеческого драматизма времени.

Каких только почетных предикатов-ярлыков ни получил в советское время Горький! Каких только идеализирующих оценок ни удостоился! «Великий пролетарский», «гениальный реалист». «классик», «основоположник», «буревестник революции»... Не эти ли обожествляющие ярлыки толкали оценочный маятник и в резко противоположную сторону? Горькому так и не присудили Нобелевской премии, а в постсоветское время попытались – заодно с прочими советскими «богами» и «святыми» – сбросить с «пьедестала», вынести из пантеона великих писателей современности. Крайности сходятся, в том числе в своей оптической частичности, односторонности, а по сути – в конечном счете, в слепоте. Сложное крайностям не по зубам. А Горький, как и его эпоха, невероятно сложен: многомерен, многозначен, противоречив, духовно и жизненно нетривиален. И настоящие ученые-горьковеды это давно поняли. Автор этой статьи не филолог-горьковед. Но, я уверен, взгляд культуролога и

эстетика, взгляд с, так сказать, высоты мировоззренческого масштаба, горизонта и универсалий этих наук не может не быть полезен для понимания и интерпретации культурно-исторического феномена такой сложности и ценностной величины, как А. М. Горький. Это нужно хотя бы потому, что, как верно заметил Д. Быков, «Горький продолжает будоражить умы, как занимался этим при жизни, – поскольку безошибочным чутьем угадывал самую большую проблему и самого сильного противника» [2, 6–7].

Для начала *эстетико-культурологическая гипотеза*. Гипотеза, имеющая общехудожественный и общекультурный характер, но в данном случае выступающая концептуальной основой видения и интерпретации сознания и творчества писателя Горького. Гипотеза, в общем, простая и понятная. Талант Горького, его художественное сознание обрели такую силу и плодотворность, а его творчество – такое содержательное и формальное богатство, многогранность, такую идейно-смысловую «амплитуду» и многозначность, такой социально-духовный резонанс в России и во всем мире, поскольку они вобрали (скорее всего, совершенно объективно (Субъективность любого художника дается ему – что бы он сам об этом ни думал – как объективная данность: духовно-творческий «организм», уже «готовый», сформированный целой системой социокультурных факторов-детерминант и в своем мироотношении, в своем содержательном и формально-языковом, миромоделирующем и социокоммуникативном («общенческом») своеобразии не зависящий от самосознания и воли самого художника, самоценный, самодовлеющий и самозаконный для них, им практически неподвластный [4].), но при полном согласии личностной субъективности в сложном единстве всех ее духовных ипостасей (эстетической, морально-нравственной, мировоззренческой) все основные полярности/оппозиции и противоречия социокультуры, при этом не совпав, не отождествив себя, не подчинившись полностью ни одной из них, а сохранив внутреннюю гибкость, пластичность и мобильность, возможность перехода с одной позиции на другие, включая противоположные, и совмещения этих позиций. То же для большей визуальной представимости-наглядности можно выразить и так: секрет значительности, своеобразия и художественно-

социальной успешности Горького в том, что ему удалось в своем сознании и творчестве быть *между* полюсов культурных оппозиций и при этом «иметь отношение», «принадлежать» всему релевантному для своей социокультурной эпохи «набору» таких оппозиций (противоречий). Таким образом, к – для творчества Горького существенной – бахтинской «внеаходимости» [1] я добавляю «*междунаходимость*».

Горький умер официально признанным основоположником и классиком советской литературы. Это многих сбивало с толку. На деле как *писатель* он был и навсегда остался в рамках досоветской эпохи рубежа веков со всеми ее пространственно-временными, социокультурными и художественно-типологическими чертами. И написанные в послереволюционную эпоху сочинения (за исключением, пожалуй, конъюнктурной слабой пьесы «Сомов и другие» и мемуарного очерка «В. И. Ленин») по материалу и тематике относятся к предыдущей, дореволюционной эпохе. «Несвоевременные мысли» – сочинение антиреволюционное, одно из первых антисоветских. Потом, перейдя на советские позиции и вернувшись из эмиграции в СССР, Горький сочинений о советской жизни не писал (не считая, кажется, журнальных очерков). А главное его сочинение этого времени «Жизнь Клима Самгина» – классический модернистский роман о кризисе общества и личности, об упадке духа, нравственности, искусства, разложении «буржуазного» (читай: дореволюционного) интеллигента и блужданиях интеллигенции на дорогах российской истории, осмысленных отнюдь не в однозначно советском, соцреалистическом ключе. В концепции Горького в «Самгине», как и других сочинениях предреволюционной и революционной эпохи, много декадентского и модернистского: смутного, мрачного, пессимистического, безысходного, беспощадного, «разложенческого», нищезанского и столь нелюбимого им «достоевского», социально-критического – но не с «пролетарских» или «соцреалистических» позиций представленного и осмысленного. Горький не просто много сложнее и многозначнее (им же одним из первых постулированного) соцреалистического Канона – он часто просто совершенно далек от него, пишет так, будто не знает и не хочет знать о его существовании. Обо всех горьковских «между» тут нет возможности рассуждать. Разговор лишь о некоторых принципиальных, концептуальных для А. М. позициях.

Одно из самых характерных горьковских социокультурных «между»: *отсутствие жесткой*

социальной и/или групповой идентичности в сочетании и контексте с такой существенной чертой художественного сознания А. М., как его *осознанная и обостренная социальность*. У этой последней несколько культурно-исторических истоков: развитие социологии и «социологизация» всего культурного сознания, в том числе литературы (и европейской, и русской), острота «социальных вопросов» и политическая борьба в России рубежа веков, наконец, богатейший личный социальный опыт и громадная эрудиция А. М. Социальность Горького имеет несколько «ипостасей».

Первая. Писатель феноменально воссоздает жизнь и сознание основных социально-групповых типов личности предреволюционного российского социума. Причем умеет так «залезть» внутрь этих типов, так передать их мироотношение и поведение, внутренний мир, что мы начинаем верить в его принадлежность всем этим социальным категориям: крупным буржуа, дворянству, купечеству, мещанству, рабочим, интеллигенции, босякам-маргиналам («бомжам», говоря современным языком). Только крестьянство Горький сильно недолюбливал и не воссоздавал. Самое откровенное высказывание А. М. о нем – берлинская статья 1922 г. «О русском крестьянстве» в России была опубликована лишь в 2007 (!) году (в журнале «Русская жизнь» [3]). И ни с одной категорией, даже с наиболее близкой ему (в том числе, как увидим дальше, концептуально) интеллигенцией, он себя *социально* не отождествлял. Ни одна социальная группа не идеализируется Горьким, раскрывающим – с внятным, но несуетным, лишенным откровенной прямолинейной тенденциозности, предметно и психологически точным критицизмом – противоречия и «изъяны» жизни и сознания всех групп. Для этого А. М. взята из арсеналов литературной культуры, авторски переработана и развита целая система репрезентирующе-аналитических «оптик», то есть творческих технологий, позволяющих, как оказывается в результате, дать всесторонний, точный и весьма объективный социально-психологический «портрет» людей определенной социокультурной категории. Вот, как мне представляется, основные их них. Во-первых, это точная феноменология повседневной жизни, социального поведения и общения, устремлений, мыслей, умонастроений и эмоций представителей разных социальных категорий. Всегда при этом наполненная внутренней убежденностью персонажа любой социальной принадлежности (уже отмеченное умение А. М. «влезть в шкуру»

персонажа, перевоплотиться в даже несимпатичный ему чем-то внутренний мир и передать его «правду», то есть *понять* его – в том значении этого важного слова, которое ему придали Дильтей и Бахтин). Примеры известны. Мне ближе драматургия А. М. Старший Бессеменов, классический мещанин, и его приемный сын – рабочий Нил, городская интеллигенция (инженеры, адвокаты, врачи, ученые, писатели) в «Детях солнца», «Варварах» и «Дачниках», капиталисты Васса Железнова, Егор Булычев, Михаил Скроботов («Враги»), босяки в «На дне» – чем не художественно-социологическая «энциклопедия русской жизни»?! Кроме того, А. М. с точностью ученого-социолога (а Бальзак говорил о себе: «секретаря общества») фиксировал изменение места тех или иных категорий в системе социальных отношений в России (отодвинутая на провинциальную периферию дворянка Богаевская («Варвары») – еще недавно чеховская Раневская; расширяющий у нас на глазах свое дело нувориш Назар Авдеевич в «Детях солнца», дети разночинцев, ставшие социальной элитой, в «Дачниках»).

Во-вторых, видение с позиций объективного наблюдателя и духовно-психологической «внутринаходимости» (М. М. Бахтин) дополняется точкой зрения внешних, часто чуждых и даже враждебных социальных субъектов: Горький сталкивает в прямых диалогах-спорах ценностные позиции представителей разных групп, а также дает оценочное видение одних групп глазами других. Во «Врагах», как и в повести «Мать», это столкновение и оценка «со стороны» получают характер прямого политического антагонизма, противостояния-неприятя. Но для Горького-художника «социология» и «политика» никогда не были главным. Главным были духовные: этические, экзистенциальные, ценностно-мировоззренческие вопросы и позиции. Мы лучше понимаем нравственную и жизненную правду Вассы Железновой и социальную сущность этой незаурядной женщины благодаря ее непрерывной, косвенной и прямой полемике с ее антагонистом Рашелью. Противоречивая сущность интеллигенции открывается не только благодаря «внутренним» противоречиям сознания интеллигентов, их споров в собственном кругу, но и благодаря двойственной их духовной и практической реакции на тех, для кого интеллигенты стали «господами». Тут демократизм и человеколюбие «интеллигентов в первом поколении» (сострадание, желание помочь, сознание социальной несправедливости) парадоксально

сочетаются с социальной отчужденностью и откровенным отталкиванием от малообразованного и невежественного, грубого, ожесточенного «простого народа», характерных представителей которого интеллигенция считает «мертвыми клетками в организме» (как ученый Протасов и его жена в «Детях солнца») и которого, при всем своем духовном превосходстве, откровенно боится. И небезосновательно, как демократ Горький показал в «Детях солнца», где невежественный народ устраивает форменный погром виновных, по его мнению, в эпидемии холеры врачей (страшное пророчество-предупреждение, в правоте которого А. М. мог убедиться в 1917-м, а о более поздних его подтверждениях уже узнать не успел).

Может быть, одной из вершин горьковской великой «внеаходимости» (Бахтин) и «междунаходимости», дающих эффект высокой художественной объективности, можно признать драму столкновения непримиримых культурно-исторических ценностных систем в «Варварах». Конфликт двух антагонистических «правд» здесь становится убедительным симптомом и содержательным стержнем образа одной большой «неправды» = истины тотального кризиса российского социума. (Раз уж названа эта пьеса, два слова о выразительных – именно в аспекте социальности – названиях многих пьес А. М. Эти названия точны как констатации и как ценностные маркеры своих денотатов. «Варвары» – знак обоюдной ценностной чуждости, враждебности, разрушительного вторжения в чужую/другую культуру и жизнь, и «новаторы» в этом, пусть хотя бы только в этом, отношении для Горького ничуть не лучше, не «правее» провинциалов-«архаистов». «Мещане» навсегда превратили объективное имя социального слоя в ценностный знак-приговор всякой духовной ограниченности и самодовольству. «Дачники» обозначили критическую оценку действительного места и роли тех, кто сам себя считал и почитал элитой общества и с кем Горький, несмотря ни на что, связывал свои надежды на прогресс России – что не помешало ему вложить в уста представителей критикуемых интеллигенцией социальных низов («народа») беспощадный приговор: «Дачники – все одинаковые... вроде как в ненастье пузыри на луже... вскочит и лопнет... вскочит и лопнет...» (Пустобайка в «Дачниках»; и он же в финале добавит: «Сору-то сколько... черти! Вроде гуляющих, эти дачники... появятся, насорят на земле – и нет их... А ты после ихнего житья разбирай, подметай»). Но ведь и «интеллигентка», жена

адвоката Варвара Михайловна, говорит о своем слое то же самое: «Интеллигенция – это не мы! Мы что-то другое... Мы – дачники в нашей стране... какие-то приезжие люди. Мы суетимся, ищем в жизни удобных мест... мы ничего не делаем и отвратительно много говорим». «Дети солнца» – амбивалентный знак и социальных надежд, и горько-иронического скепсиса, превращающего мечту о новом человеке-творце и, главное, об успехе его творчества в лживую утопию. «Последние» – констатация краха старой социальности и ее групп-лидеров, их полной исторической несостоятельности.)

Воссоздание взаимоотношений социальных групп, фактически, – второй аспект социальности художественного сознания Горького. А третий, тоже весьма художественно информативный, – это проходящая через все творчество А. М., в том числе его драматургию, напряженная рефлексия, какую осуществляют – так и или иначе – представители разных социальных групп. Процесс самопознания, самооценки, духовного (а подчас и житейского) самооправдания. И это не только личностная экзистенциальная рефлексия. У Горького так рефлексиируют все, всегда и всюду, включая самых необразованных, самых «забитых» и «падших», что отличает художественный мир А. М. от столь близкого ему во многих отношениях Чехова, чьи герои – за несчастным исключением – живут и переживают, действуют или страдательно бездействуют, мечтают или задаются безответными, как правило, вопросами («если бы знать...»), но не заняты копанием в себе в поисках причин своих проблем, несчастий и тягот. Понятно, что главный субъект социальной саморефлексии – интеллигенты. Сам характер существования этих людей интеллекта, разума, напряженной духовной жизни и дает возможности самоанализа, и рождает потребность в нем. Особенно для людей в кризисном состоянии общества, людей, неудовлетворенных и обществом, и своей жизнью в нем, и самими собой. Именно этим и заняты герои уже названных пьес Горького, не только артикулирующие свое недовольство жизнью и собой, но и рассуждающие о своем месте в российском обществе, о своих социальных корнях, неблагополучии и несправедливых условиях жизни «простых людей» и, наконец, о своем социальном долге и ответственности (или, наоборот, о свободе от таких обязанностей – как Вагин в «Детях солнца», Лидия – абсолютно ницшеански – в «Варварах», Суслов – пошло утилитарно – в «Дачниках»).

Однако, при всей важности «социального плана», Горький никогда не сводит к нему содержание и «подоплеку» происходящего. Этим он весьма отличается от набравшего тогда влияние примитивного, вульгарного марксизма (он же «вульгарный социологизм»), конечно, ничего общего с аутентичным Марксом не имеющего. В сознании и творчестве Горького – при всей его увлеченной и глубокой социальности – еще большую роль играла собственно *антропологическая* проблематика. Например, столь важная для горьковских пьес сюжетная константа, как несчастная (без взаимности) любовь, практически всегда имеет антропологические, или персональные, основания. С природой и «имманентными» свойствами человека связывают волнующие их реалии жизни и герои горьковских произведений, и сам А. М. Здесь их мысль бьется в рамках (между полюсами) классической оппозиции люди/животные (человек/зверь). В чем, кроме давней традиции такого сопоставления, сказало влияние активно развивавшейся тогда биологии и ее мировоззренческих «продолжений», в частности, весьма биологизировавшей человека философии Ницше (Фрейд, похоже, Горький и его герои не знали). Так или иначе, конкретные персонажи часто склоняются в своих объяснениях и оценках к определенным антропологическим основаниям, постоянно сравнивая человека и животное. Иногда это им нужно для самоопологеттики, как цинично-правдивому Сулову в «Дачниках»: «Я сказал в свое время все модные слова и знаю им цену. Консерватизм, интеллигенция, демократия... и что еще там? Все это – мертвое... все – ложь! Человек прежде всего – зоологический тип, вот истина. Вы это знаете! И как вы ни кривляйтесь, вам не скрыть того, что вы хотите пить, есть... и иметь женщину...». Иногда – для объяснения отрицательных свойств человека его животной сущностью. Как говорит Чепурной в «Детях солнца», «люди грубы и жестоки, это их природа...», «говорит человек, а поступки делает – все еще животное». А в ответ на Лизино «нет, неправда!» настаивает: «А как же неправда? Вы и сами так думаете... и чувствуете так... Разве вы не говорите, что люди – звери, что они грубы, грязны и вы боитесь их? Я тоже знаю это и верю вам... А когда вы говорите – надо любить людей, я не верю». И тут уже не только объяснение, «антропология», но и «аксиология», совершенно отличная от Сатинского «Человек – это великолепно! Это звучит гордо!». Но рядом с Чепурным не только разрывающаяся между верой и неверием в человека («у меня рас-

колота душа, разорвана душа») Лиза, с ужасом ощущающая, что «среди миллионов растет ненависть». Тут и склонная к идеализации человека Елена Протасова, убежденная в его духовной сущности, верящая в спасительную силу красоты: «...нужно, чтобы все люди понимали и любили красоту, тогда они построят на ней мораль... тогда жизнь будет прекрасна!». Горький, я думаю, и тут «между». Его взгляд на человека вбирает в себя все артикулируемые его размышляющими персонажами позиции, все варианты философской антропологии: и Ницше, и Маркса, и философов-идеалистов (неокантианцев, Вл. Соловьева, русских религиозных философов). Так, мысль Елены – это парафраз знаменитой идеи самого А. М.: «Эстетика – это этика будущего». Но его знание реальной жизни, реального человека диктуют и другое, жесткое, беспощадное, видение: «Жизнь полна зверей!». Ни с одной из антропологических позиций Горький себя не отождествляет. Вопрос о человеке остается открытым. Безусловным же в «антропологии Горького» можно, пожалуй, считать одно: его непреходящее любопытство и, конечно, сочувственное удивление перед сложнейшим феноменом по имени «человек». В этом важный исток-основание особой, «с открытыми глазами», горьковской любви к человеку, которую, мне кажется, вполне можно передать признанием Протасова («Дети солнца»): «Люблю людей, – изумительно интересные существа!».

Как у всякого подлинного художника, у Горького все особенности его художественного сознания, в том числе названные в статье и многие иные содержательные «между» – отнюдь не результат рационального выбора. Они органичны его субъективности, они – спонтанные выражения сложности, полифоничности и противоречивости социокультуры его времени, уловленные и синтезированные его художественным гением. Горькому принадлежит известное определение художника как *чувствилища*. Он сам и был таким незаурядным чувствилищем сложности мира, культуры, человека.

В статье представлен материал публикации автора, сделанной в издании: Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения. – Ярославль-Москва : РИО ЯГПУ, 2018 [5].

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979.
2. Быков, Д. Л. Был ли Горький? [Текст] / Д. Л. Быков [биографический очерк]. – М. : АСТ: Астрель, 2008.
3. Горький, Максим. О русском крестьянстве [Электронный ресурс] / Максим Горький // Русская жизнь. – Режим доступа: rulife.ru/mode/article/68/ (дата обращения 15.05.2018)
4. Закс, Л. А. Художественное сознание [Текст] / Л. А. Закс. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990.
5. Проблемы российского самосознания: Максим Горький и русская провинция. К 150-летию со дня рождения : по материалам Российской научной конференции с международным участием [Ярославль, 5–7 июня 2018 г.] и XV Всероссийской конференции Института философии РАН [Москва, 31 мая 2018 г.]. – Ярославль – Москва : РИО ЯГПУ, 2018. – 403 с.
6. Смирнов, И. П. Об ограниченности ума [Текст] / И. П. Смирнов. – М. : Новое литературное обозрение, 2017.

Reference List

1. Bahtin, M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva = Aesthetics of verbal creativity [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Iskusstvo, 1979.
2. Bykov, D. L. Byl li Gor'kij? = Was it Gorky? [Tekst] / D. L. Bykov [biograficheskij ocherk]. – M. : AST: Astrel', 2008.
3. Gor'kij, Maksim. O russkom krest'janstve = About the Russian peasantry [Jelektronnyj resurs] / Maksim Gor'kij // Russkaja zhizn' = Russian life. – Rezhim dostupa: rulife.ru/mode/article/68/ (data obrashhenija 15.05.2018)
4. Zaks, L. A. Hudozhestvennoe soznanie = Art consciousness [Tekst] / L. A. Zaks. – Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1990.
5. Problemy rossijskogo samosoznaniya: Maksim Gor'kij i russkaja provincija. K 150-letiju so dnja rozhdenija : po materialam Rossijskoj nauchnoj konferencii s mezhnunarodnym uchastiem = Problems of the Russian consciousness: Maxim Gorky and the Russian province. To the 150 anniversary since the birth [Jaroslavl', 5–7 ijunja 2018 g.] i XV Vserossijskoj konferencii Instituta filosofii RAN [Moskva, 31 maja 2018 g.]. – Jaroslavl' – Moskva : RIO JaGPU, 2018. – 403 s.
6. Smirnov, I. P. Ob ogranichennosti uma = About shallowness [Tekst] / I. P. Smirnov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.